

Писатель Артюр Ларрю: «Война» и Pussy Riot – это отчаяние, которое просто не успело стать Рембрандтом

editions-allia.com

[Анна Строганова](#)

28-летний преподаватель РГПУ им. Герцена Артюр Ларрю написал роман «Уйти на войну» (*Partir en guerre*, изд. Allia), посвященный арт-группе «Война». RFI поговорила с Артюром о том, как он решил стать поэтом «Войны», жизни француза в Санкт-Петербурге, коллежских ассессорах и бунте, который присутствует в каждом русском.

Писатель Артюр Ларрю: Война и Pussy Riot – это отчаяние, которое просто не успело стать Рембрандтом
[Слушать \(16:57\)](#)

10/02/2013

RFI: Как вы оказались в Санкт-Петербурге?

Артюр Ларрю: Я преподаю французскую литературу в университете им. Герцена. Я уехал туда 4 года назад и это был мой личный выбор. Во-первых, мне хотелось найти некую форму уединения, чтобы писать, хотелось путешествовать. Я давно люблю Россию, люблю ее культуру и историю. Мой дедушка был любителем Наполеона и рассказывал мне о его кампаниях, в том числе, о русской. Все эти истории про казаков казались мне чем-то невероятным. Вообще российская история – это всегда что-то невероятное. Потом была литература, потом я влюбился в русскую девушку, а потом и в Россию. Так что я прошел через все существующие стадии русского фанатизма.

Обложка книги Артюра Ларрю "Partir en guerre" изд. Allia
<http://www.unwalkers.com>

RFI: *«Уйти на войну» - это ваш первый роман?*

Артюр Ларрю: Это мой первый опубликованный роман и четвертая рукопись, которую я отправил моему издателю.

RFI: *Акции арт-группы «Война» много обсуждались в западной прессе, о ее участниках было снято несколько документальных фильмов, но это, видимо, первый художественный текст об этом коллективе. Почему вы решили написать роман о «Войне»?*

Артюр Ларрю: В предисловии я пишу, что прожил 91 день с участниками «Войны»: с Олегом Вором (*Олег Воронников - ред.*), Козой (*Наталья Сокол - ред.*), Леней Ебнутым (*Леонид Николаев - ред.*) и Каспаром (*сын Козы и Олега - ред.*). Я жил с ними, перед тем, как они уехали в Москву, где их арестовали, ведь их арестовали в Москве, а не в Питере, как в моей книге.

Они жили ночью, а я днем – я работаю в университете. Для меня это был, как вы понимаете, очень интересный опыт. А я думаю, что необычный опыт нужно описывать.

Ну и с эстетической и стилистической точки зрения, мне было интересно написать художественный текст об этих совершенно свободных, ускользающих и неуловимых людях. Они очень радикальны, грубы в их образе жизни, и мне хотелось придать этой грубости литературную ценность. Мне всегда были интересны писатели, которым удается сделать грубость поэтичной. Рабле, Селин. Я себя с ними не сравниваю, но я постарался проработать эту грубость.

RFI: *Вы как раз описываете в книге сцену встречи участников «Войны» со шведскими кураторами, в которой эта грубость очень заметна. Как они общались с вами, французом? Не было ли в их отношении и к вам некоего презрения?*

Артюр Ларрю: Никакого презрения. Все очень просто: я никогда не участвовал в акциях «Войны». Они мне предлагали. Олег достаточно авторитарен в своем кругу, у него сильная аура, ему нравится быть окруженным. Я думаю, что показал это в книге. Я всегда отказывался от участия в их акциях.

Я сказал им: я буду вашим поэтом. А поэтов не презирают. Они относились ко мне с уважением и вниманием. Подсмеивались, считали меня немного трусом, потому что я боялся полиции, и немного прижимистым. «Война», например, вообще, не пользуется деньгами, но, когда они ловили машины, я всегда должен был за них платить, а у меня нет столько денег, что оплачивать им за такси.

RFI: *Вы рассказываете в книге, что жили вместе с участниками «Войны» в огромной питерской квартире, принадлежащей вашей подруге. Все так и было? Вы там случайно все вместе оказались?*

Артур Ларрю: Да. Все так и было. Я лишь немного переиначил реальность, но не для того, чтобы что-то скрыть, а чтобы лучше ее выразить. Там все чистая правда. Я жил и живу в общежитии РГПУ. Оно очень хорошо расположено (возле Казанского собора), но условия там не лучшие. Поэтому когда представилась возможность четыре месяца пожить в квартире моей подруги Тамрико Квашадзе, которую я называю Тамрико Бамрико, я не отказался.

RFI: *Вы видели, как они готовятся к акции?*

Артур Ларрю: Нет. Я приехал чуть-чуть после курицы ([акция «Войны» в супермаркете](#) - ред.). Эта акция мне, кстати, не очень нравится. Я не участвовал ни в одном из их организационных собраний, ни в одной встрече с журналистами. Мы лишь делили быт. И для меня это было крайне важно: это не книга последователя «Войны», я не писал оду «Войне». Это художественное произведение. Мне было необходимо быть свободным.

RFI: *Кто-нибудь из участников «Войны» читает по-французски?*

Артур Ларрю: Проблема «Войны» в том, что они все время меняют свои имэйлы. Поэтому я отправил свою рукопись Козе, но еще до того, как я отправил ее издателю. Она прочитала ее через google-переводчик и сказала мне, что это прекрасная история любви. Так что я не уверен, что google-переводчик – это лучший способ оценить мой текст.

RFI: *Есть ли шансы, что книгу переведут на русский?*

Артур Ларрю: Да, ее должны перевести. Скорее всего в питерском издательстве «Амфора», мне оно нравится. А почему вы сомневаетесь? Вы говорите о цензуре?

RFI: *Скорее о самоцензуре.*

Артур Ларрю: Да, это действительно скорее самоцензура. Но я не считаю свою книгу политической. Совсем. Хотя там естественно есть политические моменты.

RFI: *Например, центр «Э», о котором вы много говорите, или очень узнаваемый персонаж сержанта Комарова, который делает эту книгу, на мой взгляд, вполне политической.*

Артур Ларрю: Эта проблема в России не новая. Знаете, у меня совершенно случайно под рукой есть «Нос» Гоголя. Клянусь, я ничего специально не готовил. Я вам прочитаю по-русски: «*Но Россия такая чудная земля, что если скажешь об одном коллежском ассесоре, то все коллежские ассесоры, от Риги до Камчатки, непременно примут на свой счёт*». Так что, в этом смысле мой полицейский очень реалистичен. А что делать? Не писать слова «сержант»? Не писать о полиции. Это просто смешно. Я не считаю о свою книгу политической и, если бы, я мог, как Гоголь с «Мертвыми душами», назвать свою книгу «поэмой», я бы с удовольствием это сделал.

RFI: *Кроме персонажа сержанта Комарова, у вас есть очень аутентичный персонаж сумасшедшей русской бабушки. Расскажите, как вы живете в России, как наблюдаете за всей этой российской действительностью?*

Артур Ларрю: Я живу в России, как русский, то есть, не как француз. Это значит, что у меня нет друзей-французов. У меня только русские друзья, есть друг-швейцарец и друг-немец. У меня примерно четверо друзей в Санкт-Петербурге, это большое счастье – иметь возможность их выбирать. Я много хожу пешком. Я хожу на рынок, болтаюсь по барам (не слишком – я не большой любитель загулов), я очень-очень много хожу пешком. Минимум 2 часа в день, даже зимой. Особенно зимой, потому что я обожаю зиму в России.

Знаете, Россия – страна необычайная, где невозможно не натолкнуться на бабуся. Достаточно прогуляться по улице, чтобы наткнуться на такую бабушку. Таких безумных бабушек полно повсюду в Санкт-Петербурге. Везде-везде-везде. И везде – сержанты Комаровы. Нетрудно найти все это. Я думаю – и я обращаюсь к любому французу-экспату, – что нужно чувствовать, когда уезжаешь жить в другую страну, нужно чувствовать эту потребность не быть французом за рубежом. Но быть иностранцем, т. е. – раствориться и разбить свою защитную оболочку. Без нее вы можете еще больше приблизиться к окружающим вас людям.

Я никогда не поеду жить в Китай. Почему я не поеду жить в Китай? Потому что я не смогу никогда быть китайцем – это очевидно: у меня нет раскосых глаз. Я живу в России потому, что мог бы сойти за русского. Это возможно. Со мной бывает, когда первые 5-10 минут русские думают: «он русский». Ну, потом, по моему акценту, по моей манере поведения, может быть, по моей манере одеваться, они видят: «нет, не русский». Но я могу поддержать эту неуверенность. И именно эта неуверенность позволяет мне проникнуть вглубь российской действительности.

RFI: *Что сложно для вас в этой российской действительности? Чего вам не хватает? Вам подходит «жить как русский»? Или еще год-другой, а потом надоест, и вы уедете?*

Артур Ларрю: Не знаю, как долго я останусь в России. Что могу сказать точно, так это то, что я там вовсе не по причинам комфорта. Что эта жизнь, по меньшей мере, раз в десять тяжелее, чем жизнь во

Франции. Что это страна, которая чудовищно страдает. Что ее население живет в ужасающих условиях. Что это государство, которое находится в состоянии полного разжижения. Я думаю, что это страна, условия жизни в которой – одни из самых тяжелых в мире. Мне так кажется. Я не видел всех стран мира, но я хорошо знаю русскую жизнь, и нахожу, что эта жизнь ужасна. Но в ней очень много благородства, очень много поэзии, и это народ, в который я очень-очень влюблен. И когда я говорю «влюблен в Россию», я имею в виду – «в народ». Потому что эти люди – изумительны в своей самоотверженности, в своей поэзии повседневности, в этом бунте, который присутствует в каждом русском. Этот бунт никогда не бывает политическим, его нет на Красной площади, но он – в каждой русской фразе. В каждой фразе «Что делать?» – каждый раз едва заметная ирония, чтобы показать, что всякий раз – это грандиозная, чудовищная насмешка.

Нет, я не привыкаю к этой жизни, она остается для меня неприемлемой. И я вовсе не адвокат трудностей русской жизни. У меня нет политических пристрастий. Я просто свидетельствую. Может быть, им совсем не понравится то, что я говорю, но жизнь в России чудовищна.

RFI: *Вы четыре года преподаете в России. Какие у вас студенты? За последний год люди стали выходить на улицы, протестовать. Ваши ученики отдают себе в этом отчет, хотят изменить эту «ужасную» жизнь или не понимают, что она «ужасна»?*

Артюр Ларрю: Русские понимают, что их жизнь ужасна. Они знают это очень-очень хорошо. Мои студентки – у меня, в основном, студентки – это блестящие личности, умные, поскольку я считаю, Россия – это страна и народ необычайного ума, невероятной культуры, в частности, в Санкт-Петербурге. И уровень языка моих «француженок» (я читаю курс французской литературы, классические тексты по-французски) примерно соответствует уровню французского бакалавра (*последний класс старшей школы – ред.*) по специальности «литература». То есть, это довольно высокий уровень для людей, которые учат французский иногда в течение всего четырех лет.

Что касается политических пристрастий, то их у них нет. Вы знаете, что протестные выступления в Санкт-Петербурге очень малочисленны по сравнению с Москвой. Санкт-Петербург – это город, который спит. Ужасная жизнь, о которой я говорил, очень сильно ограничивает подобную приверженность. Преподаватель университета в Санкт-Петербурге, как вам должно быть известно, получает 250 евро в месяц. Жить на 250 евро в месяц невозможно, значит, надо иметь много приработка, много специальностей. И у каждого преподавателя – пять-шесть подработок. Когда вы подрабатываете в пяти-шести местах, редко вы задумываетесь о том, где вы будете митинговать на этой неделе, а также о том, что выборы были недемократическими. Тем более, что выборы никогда не были демократическими.

Ужасно во всем этом, что особой надежды нет. Это мне особенно больно. Я уже говорил в одной радиопередаче: самое ужасное, что я чувствую – это то, что быть двадцатилетним в сегодняшней России – это быть немного отчаявшимся.

RFI: *Они все хотят уехать за границу, в частности, во Францию?*

Артюр Ларрю: Не все. Не все, но многие. Они влюблены в свою страну. Они очень несчастны во Франции. Я часто наблюдал это у русских, которые сюда уезжают. Я не думаю, что для них это лучший выбор. Жизнь во Франции совсем другая, ужасный характер жизни во Франции – в другом, не в удобстве, а в другом. У меня множество студенток с очень продвинутым уровнем французского, которые не испытывают ни малейшего желания жить во Франции.

RFI: *Не многим русским нравится то, что делает «Война». Весь этот бунт, который так зачаровывает иностранцев, у русских встречает только непонимание. Согласно опросам, около 70% населения России негативно отнеслись и к акции панк-группы Pussy Riot. С чем, по-вашему, это может быть связано?*

Артюр Ларрю: Я воздержусь от объяснений причин реакции или ее отсутствия у русского народа – я не являюсь его представителем. Я даже не уверен, понимаю ли я его. Я знаю, что «Война» не находит всеобщей поддержки у российского населения. Более того, некоторые ее ненавидят. Я знаю, что акция Pussy Riot в храме Христа Спасителя вызвала много возмущения.

По-моему, речь даже не о том, нужно ли считать «Войну» или Pussy Riot современными художниками, разбираться, есть или нет смысл в их акциях, что все это безобразно, что все это – не Рембрандт и не Манэ. Согласен, это не Рембрандт и не Манэ. Но что совершенно точно, и что нужно услышать (возвращаясь к моему предисловию), так это услышать эту войну, это отчаяние молодежи. Возможно, это отчаяние просто не успело стать Рембрандтом, а должно кричать, просто кричать, потому что неспособно делать ничего другого.